

ГЛАВА 3. КУРС – СБЕРЕЖЕНИЕ

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ ОБЩЕСТВА

Оказывается, существует способ наблюдать внутреннюю структуру организма не только с помощью технических средств (рентген, ультразвук), которые стали привычными для сегодняшних врачей. Изучая сходство строения человека со структурой социального организма, можно также обрести видение процессов зарождения патологий развития живого.

Для этой задачи лучше всего подходит художественный метод исследования. В 1850 году Пирогов начинает работу над статьей "Вопросы жизни", где дает художественный набросок патологической анатомии современного ему общества.

Самонадеянность хирурга, пережимающего артерии при операции, отражает мышление общества, перекраивающее живое юное поколение для выращивания специалистов, обеспечивающих ближайшие государственные нужды. Для этого административным, педагогическим, семейным насилием пережимаются заложенные способности, склонности. Вредные последствия проявляются, когда вырастает апатичное взрослое поколение, неспособное самостоятельно мыслить, и представляющее действительную угрозу жизни общества.

Пирогов предпослал сочинению такой эпиграф:

“– К чему вы готовите вашего сына? – кто-то спросил меня.

– Быть человеком, – отвечал я.

– Разве вы не знаете, – сказал спросивший, – что людей собственно нет на свете; это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Правда это или нет?”

Не только общество требует специалиста, но и школа привыкла к обслуживанию потребностей общества.

Статистически-художественный взгляд Пирогова на мир проявляется в том, что он видит портреты целых социальных слоев, наученных прежней школой: в прошлом, настоящем и будущем, сначала довольных судьбой и карьерой, проживающих свою жизнь, – и вдруг в середине жизни осознающих разлад с существующим обществом, беспомощность и ненужность.

Вот подростки осматривают себя, облаченные в новые мундиры – будущие директора гимназий, судьи, офицеры. Только недавно они составляли единый, счастливый класс детей, поставленный самим Искупителем в

образец человечеству. Теперь же они разделены формой, определяющей их будущность.

Мундиры учеников гимназий – с красными воротничками, мундиры учеников правоведения – с зелеными воротничками и золотыми петлицами, мундиры кадетов – с белым и красным кантом на воротничках. Первые должны со временем сделаться ревностными распространителями просвещения, вторые – блюстителями закона, третьи – героями, защитниками родной земли.

Кажется, что всем им ясно что надо делать в жизни: учиться, слушаться старших, вести себя благопристойно и отвечать хорошо на экзаменах. Отцы, опекуны, высокие покровители, благотворительное правительство открыли для каждого его поприще. Обучили юношество, объяснили ему благодатное учение Христа. Осталось только чтобы каждый, как струна, издавал известный звук, и звучал для общей гармонии.

Выходит другое. После окончания школы чувственность молодого поколения поджигает инстинкты, а разум задает вопросы, которые оно не в состоянии решить.

Выпускник – правовед, бюрократ, офицер – видит, что окружающие утопают в грязных вакханалиях, попирая заветы Откровения. Что все бегут с предназначенного поприща жизни в Калифорнию.

“Вы начинаете еще глубже вникать в окружающее вас, анализировать, – заключает Пирогов, – и, наконец, вы ясно замечаете пред собою одну огромную толпу, бессознательно влекомую невидимой силой, и несколько других меньших, но действующих не без сознания...”

Вы бросаетесь в первую вам попавшуюся толпу и делаетесь ревностным последователем. Неудовлетворенные, переходите вы к другой и к третьей. Наконец, для вас наступает самый критический период жизни. Вам нужно вывести себе положительно на чистую воду; узнать решительно, кто вы такой. Пристать ли вам окончательно к одной толпе, вступить ли в борьбу со всеми?

Вы решаетесь на первое. Прощайте! Я с вами более не имею дела.

Вы решаетесь на второе. Но готовы ли вы? Где ваши средства и силы?”

Что же не дает школа человеку, испытывающему душевный кризис?

“Вы думали было, что вы уже убеждены.

Вы убеждаетесь, что убеждения даются не каждому. Это дар неба, требующий усиленной разработки. Прежде чем вам захотелось иметь убеждения, нужно было бы узнать, можете ли вы еще их иметь. Только тот может иметь их, кто приучен с ранних лет пронизательно смотреть в себя, кто приучен с первых лет жизни любить искренно правду, стоять за нее

горою и быть непринужденно откровенным как с наставниками, так и с сверстниками...

А эти свойства достигаются верой, вдохновением, нравственной свободой мысли, способностью отвлечения, упражнением в самопознании”.

“Вы пытаетесь начать борьбу и убеждаетесь, что вы не умеете ее вести без вражды, не умеете любить беспристрастно то, с чем боретесь, не умеете достаточно ценить того, что хотите победить.

В чем же выход? В сбережении заложенных способностей, талантов, душевных устремлений, искренности, стремления к идеалу. Сберегая их, помогая отыскать человеку свое призвание, свое любимое дело, общество оберегает себя от социальных взрывов неуправляемых толп при будущих кризисах.

“Не спешите с вашей прикладной реальностью... Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане”.

Педагогика начала XVIII-XIX века развивалась под воздействием идей двух основных реформаторов – Жанн-Жака Руссо и Иоганна Генриха Песталотци. Н.И. Пирогов в своей программной работе и развивает их взгляды на воспитание и полемизирует с ними.

Руссо одним из первых среди теоретиков педагогики обратил внимание родителей и общества на необходимость сохранения природных склонностей ребенка: ”Уважайте детство и не спешите судить его ни в хорошую, ни в дурную сторону” – написал он в своем известном сочинении “Эмил”.

Со свойственной философам педантичностью и скрупулезностью Руссо подробно регламентировал процесс естественного воспитания, предписав родителям, как пеленать ребенка, играть с ним, развивать обоняние, осязание, слух, чему его учить, а чему – нет. Выращивание “нового человека” чем-то стало напоминать процесс культивирования в пробирке “гомункулуса”, над которым посмеялся Гете в своем “Фаусте”.

По Пирогову при обучении необходимо сохранить только те основные качества человека, которые определяют его движение к высшим идеалам.

Вспомним пророчества Нагорной проповеди Христа, связанные с бессмертием духа: “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят”,
 “Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими”,
 “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное”.

В работе “Вопросы жизни” Пирогов пишет, что ребенок должен “с детства стоять горой за правду”, “быть непринужденно-откровенным с наставниками и сверстниками”, любить и ценить то с чем борется. По содержанию “Вопросы жизни” – это талантливое педагогическое

толкование значимости пророчеств Христа о будущем бессмертии духа, основанное на анализе причин кризиса узкоспециального образования в просвещенном, почитающем науку обществе XIX в.

И.Г.Песталоцци исповедовал импровизационный подход к воспитанию заложенных в ребенке природных способностей, стараясь подмечать их и развивать. Николай Иванович был знаком с его книгами (широко изданными в России на средства Александра I, пожертвовавшего на эти цели 5 000 рублей), а также с критикой работ Песталоцци его учеником Карлом Георгом Раумером, написавшим четырехтомное исследование по истории педагогики.

Для Пирогова убеждение в необходимости бережного сохранения детского мира связано с познанием значения и смысла одного из самых парадоксальных пророчеств Нагорной проповеди Христа: “Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное”.

Мыслитель трактует нищету духа, как дух детства, сохранение восприятия детей, такого же искреннего и непредвзятого. Детство – это постоянный ориентир для взрослого общества, насколько его жизнь соответствует заветам Искупителя.

Пирогов делает важный вывод о том, что истинное качество образования проявится при встрече с кризисом профессии и неминуемым кризисом убеждений. Поэтому он ставит задачей школы так воспитать человека, чтобы он уже в зрелом возрасте смог переживать жизненные трагедии, не теряя пути к идеалу.

Пирогова нельзя отнести к последователям идей Руссо и Песталоцци в традиционном смысле этого слова. Он пришел к принципу сбережения сам, в результате долгой работы в области хирургии, научившей его не спешить с операцией и полагаться на природные силы организма.

Совпадение его выводов со взглядами выдающихся педагогов означает для Пирогова подтверждение существования единых биосоциальных закономерностей развития живого. В том числе – закономерностей появления скоплений в результате уже не хирургического, а педагогического травмирования организма. Он рассматривает реформу школы как средство, помогающее вырастить новые здоровые ростки.

ЭФИР ТВОРЯЩЕГО

Многим известно, что хирург Н.И.Пирогов одним из первых применил эфирование при операциях. При этом даже медики не знают, какое мировоззренческое влияние оказали на великого врача опыты с наркотизацией и как они сказались на педагогических взглядах мыслителя. Слишком упрощенно представлять его интерес к воспитанию детей только разочарованием в специальности. Все было намного сложнее.

Ученый, убеждаясь в потере чувствительности организмом и появлении наркотических видений, приходит к выводу, что с помощью паров эфира

можно исследовать нервную систему. При таком воздействии образуется какой-то невидимый канал между материей и духом. Возможно, поэтому у Пирогова появляется идея, что душа представляет собой сверхтонкий эфир, окутывающий атомы живого.

Сближение ученого с Великой княгиней Еленой Павловной объясняется и ее интересом к проблемам бессмертия. Вспоминая о Великой княгине, Пирогов пишет в 1871 г к баронессе Э.Ф. Раден, фрейлине Великой княгини:

“—Грустно, — говорила она мне однажды: — что мы не можем иметь ясного понятия о нашем загробном существовании... — Так бы хотелось узнать, — продолжала она потом: — как выскажется наша индивидуальность после смерти нашей?

И я в это время имел наглость думать, что могу разрешить ее неразрешимый вопрос:

— Если нам покажется понятным, — отвечал я: — что атомы могут проникнуть сквозь грубую оболочку относительно другой материи мирского эфира, то позволительно полагать, что и для нас предназначено некое свойство, которое есть утончение самого эфира... Тогда мы можем принять за правдоподобное и ту идею, что есть нечто тоньше эфира и что это сверх-эфирное свойство — уже есть интегрированная часть нашего бытия. Оно и сохранит нам индивидуальность даже и по разрушении грубой оболочки тела.

Как видно, я был в то время полу-спиритом”.

Цитата из разговора с Великой княгиней дословно повторена в загадочной статье, обнаружившейся после смерти в бумагах Пирогова. В ней мыслитель также пишет:

“Кто упражнялся уже в искусстве самопознания, кто чувствует, что кроме истины математической, опытной и исторической есть еще и другая, которая слишком беспредельна, чтобы поместиться в тесных границах этого размещения, — тот поймет вас... Так самосозерцание сообщает вам и свои убеждения о сущности зла и бессмертия — двух предметах, о которых без отвлечения мы не можем иметь и самого слабого понятия”.

Дата появления этой статьи, названной “Вопросы жизни (вторая редакция)”, — неизвестна. У двух редакций статьи один и тот же эпиграф и вступление, но если первая (опубликованная) связывает идею бессмертия со следованием заветам Христа, то во вторая — с мировым эфиром. Точнее определить ее датировку помогает стихотворение Пирогова “О! Лейтесь слезы вдохновенья!”, помеченное не только годом, числом, но и часом (17 февраля, 1850 г, 3 часа ночи), в котором излагается какое-то предсказание о будущем бессмертия, видимо, полученное во сне:

“...Мне жизни поприще открыто.
Чтоб совершить один лишь долг,
Чтоб зло и тело победивши
В Эдем бессмертия вступить.
Готов принести себя я в жертву,
Предвечный видит это сам.”

Ни одно другое стихотворение или статью ученый никогда не датировал часами. Не менее важно, что ключевые темы стихотворения (победа над злом и телом, жертва, готовность к высшему предназначению) разъясняются затем во второй редакции “Вопросов жизни”.

Победить “зло и тело” означает по Пирогову преодолеть раздвоенность духа и тела. Рождаясь, мы ощущаем дуализм материи и духа, как разлад внешнего и внутреннего человека: чувственности с волей и рассудком, влечений инстинктов с разумом, стремлений к идеалу с внешней жизнью.

Этот дуализм отражает чувство тоски по двум Отчизнам человека: земной и небесной. Вся жизнь мыслящего человека – это стремление победить дуализм. Дуализм и есть Зло, которое должен преодолеть человек.

“...Получая все более ясное понятие о вашей нравственной двойственности, научившись уже несколько управлять и сближать две ее стихии, вы убеждаетесь, наконец, что борьба с этой двойственностью и с материальным вашим бытом, беспрестанное желание привести ее к одному знаменателю – есть цель здешней жизни, ваше прямое предназначение на земле”.

Обосновывая индивидуальное бессмертие, Пирогов предлагает близкое к гегелевской “Диалектике природы” решение основного вопроса философии: долг человека – духом облагородить материю. Облагороженная материя по Пирогову становится способной передать духовному эфиру новое качество – сохранить индивидуальное бессмертие духа:

“Материя бессмертна, потому что, разрушаясь, принимает новые виды, никогда не исчезает; а духовный эфир, оставив материю, сливается с мировым целой вселенной. Но сливаясь он или утрачивает свою особость, или же, получив однажды от материи сознание об этой особости, сохраняет и ее навеки.

Каждому из нас дана, хотя и в различной степени, способность обособить наш духовный эфир, начиная его разъединять еще в нашей земной жизни, от тела, утончая, возвышая, облагораживая нашу материю, раздвигая пространства между ее атомами, способствовать движениям эфира, делать его все более и более восприимчивым к ощущениям материальным, изошрять его сознание чрез самую же материю, готовить его, чтобы он и за гробом сохранял это сознание”

Необычайно важная идея. Скопления живого по Пирогову образуются сами, их причиной является нищета духа, первенство плоти, живой материи над духовными силами человека.

Мыслитель не собирается оспаривать приоритет наркоза у других врачей, потому что видит в появлении идеи бессмертия духа, как и милосердной

идеи наркотизации, проявление Божьей воли: “Если высокие умы в языческом мире и имели убеждения в бессмертии, сходные с нашими, то что доказывает это? Не то ли, что Дух Божий искони витал в человечестве без его сознания? И разве уменьшается благотворное действие эфирования и высокое достоинство этого открытия, когда мы скажем, что оно уже было известно за несколько тысячелетий китайцам?!”

Проблема выбора целей и методов реформирования, по Пирогову, должна решаться, исходя из предназначения жизни человека на земле.

Борьба, но не вражда открывает путь к бессмертию. “Не враждуя с материей, не враждуя с окружающим вас, вы должны вступить в эту высокую идеальную борьбу для недостижимого на земле идеала...”. “Вражда предполагает ненависть, осуждаемую Откровением. Борьба же – присутствие духа и сознание внутренней силы, доставляемое нам верой в Откровение и самопознанием. <...> В какое бы положение вы ни были поставлены обществом, обстоятельствами, судьбой – боритесь без вражды”.

Путь к бессмертию духа лежит через множество испытаний.

Слабые отказываются от борьбы за идеалы и самопознание и теряют право на бессмертие, или переходят на путь вражды и насилия и тоже теряют его:

“Кто был так несчастлив, неспособен, ленив и ничтожен, что не хотел воспользоваться самой высшей способностью человека развить сознание себя до самопознания и одерживать через то верх над материей – тот должен отказаться от бессмертия, которого он не в состоянии был и предчувствовать. Много званых, мало избранных”.

Пирогов в статье об “эфире Творящего Бога” находится на перепутье между христианством и мистикой. Об этом свидетельствует его полу спиритическое обоснование пророчества Христа: “И последние станут первыми и первые станут последними, потому что много званых, но мало избранных”. Пирогов решился на такую полу научную, полу мистическую трактовку, видимо, руководствуясь изречением Христа: “кто не против нас, тот за нас” Как показывает цитируемое письмо к Э.Ф. Раден, позже Пирогов отошел от спиритизма, проникнувшись мудростью заветов Искупителя. Недаром он говорит в нем: “И я в это время имел наглость думать, что могу разрешить этот неразрешимый вопрос”.

Вторая редакция статьи “Вопросы жизни” и стихотворение Николая Ивановича “О! Лейтесь слезы вдохновенья!” позволяют сделать заключение о том, что сверхцелью жизни реформатора Пирогова начиная уже с начала 50-х годов стало духовное бессмертие. Эта сверхцель направляла его поиски более 30 лет!

В стихах говорится о будущем педагогическом поприще великого хирурга и о новой любви:

Не для себя мне жизнь досталась!..
Но слышу Воли Высшей глас:
“Любовью детской возрожденный,
Ищи их сердце вдохновеньем,
Их душу верой осенить.
За ту, которая решилась
С тобою участь разделять,
Борися, жертвуй с наслажденьем,
Молися, бодрствуй, уповай...”

ВДОХНОВЕНИЕ И СОЧУВСТВИЕ

Четыре года Николай Иванович оставался одиноким после смерти жены. Детей в это время ему помогали воспитывать мать и сестра. Вместе с новой целью приходит желание новой любви. Пирогов, по свидетельству современников, в этот период посещает компании и гостиные, читая вслух две работы: “Вопросы жизни” и “Идеал женщины”.

Вторая работа так и осталась неизвестной, можно лишь предположить, что она развивает тему особой роли женщины в обществе, связанной с сохранением и передачей идеалов веры. Эта тема только начата в статье “Вопросы жизни”, но обрывается краткой записью – “продолжения впредь нет”.

Как передать новому поколению идеал веры? Во втором томе истории педагогики Раумер сравнивает различные, подчас полярные взгляды теоретиков педагогики XVIII – XIX века на религиозное воспитание:

“Руссо решительно восстает, чтобы Имя Божие упоминалось при детях; он полагает, что только продолжительные физические и метафизические изучения могут сделать человека, способным мыслить о Боге. Для Песталоцци, наоборот, Бог есть ближайшее родственное человеку понятие, альфа и омега всей его жизни”.

В “Вечерних часах отшельника”, одной из первых книг Песталоцци, по форме представляющей собрание педагогических пророчеств, он излагает свое понимание роли веры:

“Вера в Бога есть отношение детски-доверчивого чувства человека к отеческому чувству Бога. Эта вера не есть следствие и результат ученой мудрости, но чистое чувство невинной простоты... Вера в Бога освящает и скрепляет союз между родителями и детьми, союз подданных с государями, неверие же разрушает все союзы, уничтожает всякое благословение. Из веры в Бога вытекает надежда вечной жизни. Дети Божьи бессмертны”.

В то же время, говоря о Боге с маленькими детьми, Песталоцци, по мнению Раумера, не находит возможности детски-доверчиво передать религиозное чувство, а повторяет метод метафизических доказательств Руссо.

Пирогов же считает что никакие книги с доказательствами или даже служители церкви не могут так бережно, доходчиво передать религиозный

идеал малышу, как любящая женщина. Женщина стремится к эмансипации и хочет занимать на равных посты в министерствах потому, что общество недооценивает ее уникальный невидимый труд одухотворения родившегося человека: “Только близорукое тщеславие людей, строя алтари героям, смотрит на мать, кормилицу и няньку, как на второстепенный подвластный класс... Христианство открыло женщине ее назначение. Оно поставило в образец человечеству существо, только что отнятое от ее груди”.

Пирогов считал, что женщина меньше страдает от двойственности, чем мужчина, и в его интересе к эмансипации женщины тоже прослеживается желание познать тайны гармонии души и бессмертия духа. Детство по Пирогову это пора когда в юном человеке еще нет раздвоенности, поэтому ребенок поставлен Искупителем в образец человечеству.

Детство – это постоянный ориентир для взрослого в том, насколько он приготовлен к будущему бессмертию. Иную значимость приобретает сохранение детского мира ребенка, к которому должны приглядываться взрослые, но не искажать его своими целями:

“Откровение, поставив нам в образец первобытную, неразделенную дуализмом природу человека, детский возраст и бедную простоту духа, повелело нам через борьбу с собой и миром стремиться к уничтожению нашей двойственности” – пишет Николай Иванович во второй редакции статьи.

Женщина способна не только передать на интуитивном уровне гуманистический идеал веры, но и понять, поддержать высокие порывы другой души, осенить их вдохновением.

Пирогов предупреждает тех, кто решил отстаивать свои убеждения: “чтобы любить, с чем вы боретесь и устоять в такой борьбе, вам нужна... способность жертвовать собой... Вам нужны вдохновение и сочувствие. Светло и торжественно вдохновение; оно, как праздничная одежда, облекает дух, устремляя его на небо. Томно и тихо сочувствие. Какая борьба может совершиться без вдохновения и без сочувствия? Какая борьба покажется нам нестерпимой, когда вдохновение осенит, когда сочувствие согреет нас?”

В тот же день, когда были записаны ночью стихи с пророчеством, он увидел на вечере, что молодая женщина во время его чтения украдкой смахнула слезу, слушая размышления об идеале избранницы. Когда же замеченная незнакомка сыграла романс Шуберта, сердце Пирогова уже было отдано только ей. “Я сразу понял: она!” – рассказывал позже ученый о своем новом вспыхнувшем чувстве к двадцатилетней баронессе Александре фон Бистром. Пророчество начинало сбываться. Саша также, судя по портрету, была обаятельна, но Пирогов еще особо ценил в ней мистически-религиозную натуру.

Счастье суженых, готовящихся к свадьбе, было омрачено трагедией в семье Николая Ивановича – умерла его мать.

“Ах, милая Саша, – пишет потрясенный Пирогов из Москвы своей невесте, – Как бы мне хотелось в эту минуту поцеловать тебя, поцелуй твой имеет успокаивающее действие на меня, в котором так теперь нуждается душа моя. Так радость перемешана с горем на свете, страшная участь: в моей первой женитьбе незадолго перед нашей свадьбой умерла мать моей жены, во второй – моя мать... Я видел смерть женщины, которую любил, но ничего не видел выше и не чувствовал глубже, как смерть матери. Кто же кроме матери, умирая в муках агонии, забудет о своих страданиях и будет думать только о счастье детей”.

Предвидя еще множество жизненных испытаний, Пирогов посвящает Саше вроде очень простое, но метафорически емкое стихотворение “Мать и мачеха” (написание XIX в):

Дети спрашивают няню:

“Скажи ты нам, няня, как эти зовутся листочки?”
“Мать-мачехой, детки, эти в народе зовутся листки.
Вот, их сторона лицевая, гладка, свежа и как лед,
Холодна, хоть и красное солнышко греет ее,
Вот их испод: теплый, пушистый и мягкий,
Хоть и к земле он приник, и божьего света
Не видит. Холодная мачеха, – то их сторона лицевая,
Теплая – мать, – нет уж которой на свете.–
То их испод.” Так няня детям толковала.

Дети относят листочки отцу, показывают, как холодна сторона “мачехи” и он, влюбленный второй раз, видит в этом знак Божьего осуждения.

Крупные слезы
Струей покатились, и теплая влага очей сторону
Лицевую листка отогрела.”
“Мачеха стала тепла, матери стала теплей”,

– утешают отца дети. Как талисман, берет листок отец у детей, передает своей новой жене и чувствует, что

“Мачехи сторону ты в теплую, мягкую,
Пуховую мать превратила”,

Она же дает клятву мужу – помочь совершить ему то, что предназначено Богом:

“Блага земные, счастье мирское, житейские страсти,
Шум и забавы, корысть и волнение – все в жертву
принести.”

Пусть совершается превращение:

“И из мать-мачехи сделала нам ты мачеху-мать.”

Прочитываемый в стихотворении подтекст непростой и неброской будущей семейной жизни, не испугал Сашу. Несмотря на титул баронессы, Александре Антоновне, “ангелу”, “душке”, – Саше, как называл ее Пирогов, досталась та же семейная доля: воспитывать двоих детей, ждать мужа с фронта или из государственных командировок, а позже уединенно жить с ним, впавшим в опалу у государя, в имении Вишня. Свое чувство к ней мыслитель в конце своей жизни тоже назовет истинным.

Встречу новой любви, принесшей понимание и сочувствие, Николай Иванович истолковал, как знак правильности нового пути. Теперь его мысли и в педагогике и в медицине направлены на сбережение человека. С этим настроением он отправляется в научную командировку в Европу. Но и там он не может забыть жутких картин кавказской войны – здоровых молодых солдат с культями вместо рук и ног.

ГИПСОВАЯ ПОВЯЗКА

Лечение переломов костей у раненых с помощью повязки из кожи свежееубитого барана, могло употребляться разве что в небольших горских отрядах, но никак не в действующей армии. Некоторые врачи пытались накладывать туго накрахмаленные повязки, но они могли размокнуть под дождем, и тогда несросшиеся кости неожиданно смещались, приводя к увечьям и смертям.

Пирогов опробовал их для лечения 8-ми раненых со сложными переломами на Кавказе, но потерпел неудачу. Ее он прозорливо приписал не только непрочности повязки, но и эффекту “скученности” – “скопление больных, страждущих ранами с обильным выделением гноя, не замедлили обнаружить свое вредное влияние на ход этих повреждений”.

В 1851 голландский врач Матисен предложил обмазывать бинт горячим гипсом (алебастром). Пирогов пробует новый способ и дает отрицательное заключение: “мешкотно, непрочно и сохранение ее еще более неудобно нежели крахмальной. При повреждении слоев алебастр легко осыпается, а вся повязка легко надламывается”.

В то время, как многие врачи отстаивали применение неудобной крахмальной или обмазанной гипсом повязки, ваятели давно умели создавать гипсовые формы для обучения лепке. У знакомого скульптора А.Н.Степанова Николай Иванович однажды наблюдал действие раствора горячего гипса на полотно. Пропитанное алебастром оно совершенно затвердело. Пирогов тут же обработал таким способом несколько полосок ткани, затем марлю. Результат получился превосходным: после погружения бинтов в горячий раствор гипса слои удобно накладывались, а затем, высохнув, образовали прочную коробку.

Статистическая проверка показала: гипсовая повязка – наиболее эффективное и дешевое средство для госпиталей и больниц,

предотвращающее ампутации. Как всегда реформатор испытал возможность употребления гипсования для лечения всех возможных переломов: от предплечья, ключицы, до костей верхней трети бедра и голени. Иногда гипсовая повязка позволит сочетать локальную хирургию с обездвиживанием, а гипсовая повязка с окнами – закачивать в рану дезинфицирующие растворы. Продумал последовательный Пирогов также различные приемы и способы, как лучше приготовить алебастровый раствор, замедлить его сгущение, сделать налипную повязку легче и менее хрупкой, как снимать повязку. Позже в Севастополе Пирогов проведет несколько сот наложений гипса, когда в армиях европейских государств будут по-прежнему резать раненные руки и ноги. Свою фундаментальную работу он опубликует в 1854, разлив тем самым идею до массово используемого нового сберегательного метода.

Гипсовая повязка была подтверждением нового общенаучного принципа сбережения, который ранее был сформулирован в педагогических статьях.

АНТИ-ПРИКЛАДНАЯ АНАТОМИЯ

Прикладная анатомия, публикуемая Пироговым отдельными выпусками до начала 1850-х годов обучала врача проведению операций. Осознав опасность травмы, наносимой пациенту хирургом, реформатор старается привлечь внимание молодых врачей к анатомическому методу познания глубинных причин патологий.

Становится понятно, что болезнь не ограничивается очагом воспаления. Это трехмерный, развивающийся во времени процесс, приводящий к перерождению тканевых структур и биологических сред, охватывающий сложными контурами патологии весь организм.

Анатомическое изучение этого процесса – очень сложная задача, хотя бы потому, что при вскрытии трупа в полости тела врывается воздух, вытесняя кровь из сосудов, они остаются пустыми. Проблема фиксации точного положения жидкостных скоплений была решена новым оригинальным способом: замораживанием трупа до состояния ледяной статуи.

Илья Васильевич Буяльский продолжает применять новый метод к старой тактике послойной анатомии, высекая, с невероятной тщательностью ледяные рельефы систем органов. Пирогов же предлагает “анатомию распилов”.

Известен случай, произошедший с ученым, наведший его на мысль о распилах. Он увидел зимой рассеченные замороженные бычьи туши. Вряд ли все можно приписать случайности. Для классического анатома, не думающего о сохранении жидкостных структур, желание разрезать замороженный труп показалось бы абсурдом. Цель разреза трупа на тонкие замороженные слои, напоминающие моментальные “снимки” сечений сложной структуры, в анализе изменений жидкостных и газовых сетей по выбранному сечению организма. Чтобы выделить в срезах взаимосвязи

деталей, он закачивает перед замораживанием в ткани красящие вещества или надувает легочную систему газами.

Множество сечений замороженных трупов должны составить трехмерную обобщенную статистическую картину патологий. Ученый пытается подобрать для этого трупы по возрасту, полу, виду болезней и вынужден признать, что для этого необходим огромный материал. Задачу, стоящую перед Пироговым, смогли бы выполнить только врачи всего мира.

Ученый переформулирует задачу: если половозрастные особенности мешают пониманию общих закономерностей, то по срезам можно изучать процессы старения и половые различия систем организма. Тогда выборку, наоборот, надо подбирать неоднородную.

“Ледовая” анатомия становится по своей направленности “анти-прикладной”. Пирогов прерывает выпуск прежнего атласа и продолжает его ледяными срезами.

ОПЕРАЦИОННЫЙ КРИЗИС

Пирогов, продолжая традицию, публикует новые статистические отчеты об операциях, “Анналы 1852-1853 года”. Эти отчеты подводят итоги обработки обширных статистических данных разных госпиталей. В них уже лечение каждого вида или болезни или ранения иллюстрируется не менее, чем тридцатью случаями.

Вот к какому выводу приходит Пирогов: “Наблюдая в течение 10 с лишком лет за ходом хирургических операций и болезней в различных госпиталях, считая все удачные и неудачные случаи без исключения, я невольно пришел к тому убеждению, что каждая болезнь и каждая хирургическая операция имеет свой итог неудач, свой итог смертности, зависящий от непостоянно действующих на различные болезни внешних условий, от природы самой болезни, индивидуальности или личности больных и от свойств травматического насилия, соединенных с каждой операциею; действие же врачей, различные способы лечения, техническое искусство играют такую второстепенную роль, что производят только одни, едва заметные в целой массе, колебания этих итогов”.

Новые “Анналы” поражают прежде всего тем, что операциям в нем уделено минимум места, главное же внимание обращается на послеоперационный период и классификацию видов осложнений. Реформатор фокусирует статистику на фазах наибольшей смертности, а наибольшие цифры смертности давал именно послеоперационный период.

Ученый наблюдает на примере нескольких видов осложнений скопление жидкостей, которые представляют видоизмененную форму крови или тканей. По мнению Пирогова, эти прежде здоровые, а затем переродившиеся слои тканей, как бы выключенные из здорового цикла развития, вызывают очаги воспаления прежде всего в местах их травмирования (сжатия, ущемления) жесткими оболочками.

Обнаружение осложнений в результате хирургического травмирования ставит вопрос, на каком же уровне безопасна операция?

Последовательно, по тем же уровням иерархии структур организмов, по которой ученый поднимался вверх – от тканей человека к обществу, Пирогов спускается вниз: операции органов, частей органов, небольших участков тканей. Многоуровневый статистический анализ приводит его к общему сокрушительному заключению: в организме нет ни одного уровня, травмирование которого не могло бы нести угрозу смерти. Ошибочно думать, что во всем было виновато отсутствие антисептики. Хирург Пирогов встретился и с трудно распознаваемыми раковыми опухолями, костным туберкулезом, доброкачественными опухолями, сращенными с артериями.

Если каждая болезнь и операция в середине XIX века имела свой итог удач и неудач, мало зависящий от техники врача, то хирурги не в силах понизить смертность в больницах. Желая уберечься от гнева госпитального начальства, врачи, особенно молодые, могут начать искажать статистику и контроль смертности станет невозможен.

Реформатор делает два сильных упреждающих хода для сохранения правдивости медицины: публикует статью “О трудностях распознавания хирургических болезней и о счастье в хирургии...”, где признается, что он сам не может гарантировать успех любой операции, и входит в министерство с неожиданным предложением: снять с врача ответственность за... исход операции! А саму операцию рассматривать в качестве последнего средства спасения, которое надо применять, когда уже исчерпаны все терапевтические средства.

Статистика помогает восстановить справедливость, так как выявляет, за что реально ответственен хирург. Но врач получает право на понимание общества только в том случае, если он не лжет.

Операции великого хирурга отражают методологическую зрелость. Приняв за правило, что хирургическое травмирование одновременно вызывает полезный и вредный процесс, он в методики операций вводит обязательное отыскание той фазы, когда патология еще не перешла в опасную форму. Необходимый разрез тканей старается минимизировать до проколов, уменьшает поверхности открытых ран, закрывая их намернутой кожей, а саму обработку начинает позже, чтобы не травмировать свежую рану. Появляются методики “слежения” за образованием и перемещением гноя без вскрытия тканей, после чего локально производится впрыскивание йода. Если приходится проводить операцию, то Пирогов старается оставить костную или хрящевую опору для протеза. Разумеется, это лишь несколько примеров из сотен находок Пирогова, возникших на новом направлении сберегательной хирургии.

Изменились взгляды и методики Пирогова также и в области терапии.

В работах нового периода мыслитель минимизирует травмирование при лечении воспалительных процессов. По существовавшей тогда “флогистической” теории всякое покраснение кожных покровов приписывалось “приливу крови” и считалось показанием для применения кровопусканий. Пирогов доказывает, что куда безопаснее и эффективнее

примочки и компрессы. При лечении кишечной непроходимости считалось главным “пробить” выход из кишечника, для чего больного заставляли глотать металлический шарик или заливали ему в рот... жидкий металл – ртуть. Это и неудивительно: не имея возможности наблюдать внутренние процессы, врачи руководствовались самыми простыми представлениями о причинах болезни. Пирогов обращает внимание на возможное травмирование кишечника– ущемления или спайки. Внутренним видением он наблюдает болезнь, как процесс, вызванный травмированием.

Даже кризис специальности теперь вдохновляет Пирогова, ощущающего правильность выбранного пути – сбережение. Он все время мысленно возвращается к своим педагогическим статьям, указавшим новое направление и обдумывает пророчество, запечатленное в стихах. В которых сказано, что его новое поприще – воспитание веры в детях. Но возможности оставить службу в Академии пока нет: военный медик Пирогов обязан отслужить 25 лет.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К НОВОЙ ЦЕЛИ

После 1850 года с каждым годом реформатор ощущает растущее отчуждение от научной среды Академии и разочарование в хирургии. В этой области творчества он пришел к кризису и цели, и метода.

Выбрав самую гуманную область науки – медицину, он убеждается, насколько слеп, а порой и бесчеловечен ее путь без Бога. Суэта и тщеславие властвуют на ученых “советах нечестивых”. На них интригуют, борясь за приоритеты, стараясь наделить себя чинами и славой спасителей людей, не желая признать, что врачебное искусство играет второстепенную роль в излечении больных и производит одни малозаметные колебания итогов. Специалист-хирург, оттачивая мастерство ампутаций, порой не замечает, что оставляет после себя тысячи уродов, отвергая из научных или личных амбиций сберегательные методы лечения.

Одна медицина не в состоянии снизить смертность от заболеваний и ранений пока не будет реформирована административное управление госпиталей и клиник.

Необходимо найти средство оздоровления администрации, не травмирующее социальную ткань общества, не создающее новых бюрократических структур и, вместе с тем, воздействующее на все элементы системы санмедислужбы.

“Ледовая” анатомия по сути исчерпывает потенциал анатомической хирургии, который позволил бы узнать в то время что-то новое о причинах патологии организмов. Мертвая анатомия последних фаз смертельных процессов пройдена Пироговым, “живая анатомия” привлекает его. Внутри общества он может стать не только наблюдателем, но и микро-хирургом, знающим общие закономерности патологии организмов.

Парадоксально, но возможность выйти за пределы специальности хирурга Пирогову дала война.

КАК РАЗРАСТАЕТСЯ ВОЙНА

В октябре 1853 Николай I начинает дунайскую кампанию, стремясь ослабить позиции Турецкой Порты в Европе и Азии, предотвратить участвовавшие нападения турок на погранпосты, а также сохранить святыне места в Иерусалиме. Внезапно в поддержку мусульман выступили христианские державы – Франция и Англия, которые не желая усиления России, заявили, что будут “защищать всякую местность Турции, подвергнувшуюся нападению”. Против России, объединились также Австрия и Пруссия, заключившие между собой отдельный союз.

Первоначально военные действия развивались благоприятно для России: войска под командованием князей И.Ф.Паскевича и М.Д.Горчакова заняли Молдавию и Валахию и успешно отразили турок, князь В.О.Бебутов вдвое меньшими силами разгромил турецкую армию на кавказско-турецкой границе, а вице-адмирал князь П.С.Нахимов 18 ноября 1853 года уничтожил турецкую эскадру при Синопе, только один пароход сумел уйти в Константинополь.

После этого фронт войны начинает разрастаться. Англо-Французская эскадра стоявшая в Босфоре и ожидающая исхода сражения, вошла в Черное море, чтобы препятствовать плаванью русских судов. Дунайская армия в свою очередь оказалась вынужденной воевать против турок, имея в тылу войска враждебной Австрии и Пруссии.

Как только Балтийское море очистилось ото льда, в него также вошла вражеская эскадра в составе 80 судов. Но она сумела овладеть лишь Аландскими островами, защищаемыми гарнизоном всего в количестве около полутора тысяч матросов и офицеров. Не вступая в сражения с русским флотом эскадра обстреливала финские городки, грабила купеческие суда на Балтике и Белом море. Николай I вводит на всем побережье России режим военного положения.

1 апреля 1854 г вблизи Одессы был замечен английский боевой корабль, производящий рекогносцировку. По нему был открыт орудийный огонь.

8 апреля 28 судов противника подошли к слабоукрепленной с моря Одессе. Артиллеристы береговых батарей сумели повредить 4 фрегата, уничтожить один, севший на мель, и предотвратить картелью высадку десанта.

11 апреля Россия объявляет войну Англии и Франции.

В середине августа тоже без особого успеха флот вражеской коалиции совершил нападение на Петропавловск-Камчатский.

В августе же к берегам Крыма отправляется вражеская армада, включающая более 400 кораблей, на которых было размещено свыше 60 000 десанта, полевые и осадные орудия. Общественное мнение стран антироссийского союза было недовольно малыми результатами действий своих военачальников и требовало от них разрушить крепости Крыма и

уничтожить черноморский флот. Французский и английский корпус с весны готовились к совместной экспедиции с турками под Севастополь, чему мешала свирепствующая в армии французов холера. Небольшой их отряд занял Евпаторию, основные силы стали стягиваться к Севастополю.

8 сентября происходит сражение возле реки Альмы, в котором малочисленный русский корпус под командованием князя А.С.Меньшикова терпит поражение, и неприступный с моря город-крепость осажден с сухопутного пути, где так и не была построена линия бастионов. Морское побережье блокировала англо-французская эскадра. Соединенный флот в несколько раз превосходил силы черноморцев под командованием П.С.Нахимова, поэтому старые русские парусные корабли были затоплены, чтобы перекрыть проходы к причалам города. В конце сентября французы заняли Федюкинские высоты перед Севастополем и разместили там свою артиллерию, англичане – бухту вблизи Балаклавы, где расположился их флот.

5 октября была произведена первая сильнейшая бомбардировка Севастополя с суши и моря. Положение стало столь катастрофическим, что Николай I издал указ о зачислении срока службы в Севастополе из расчета месяц за год.

В Петербурге обнаружился, разумеется, и главный виновник всех поражений – граф П.А.Клейнмихель, который в общественном мнении был ответственен за недостаточную боеготовность флота и войска, а также плохое состояние дорог. Вскоре после начала войны он подал в отставку. Как вспоминает фрейлина императрицы Марии Федоровны Анна Тютчева (дочь поэта и дипломата Ф.И. Тютчева) в своей книге “При дворе двух императоров” на улицах и во дворце люди обнимались от радости, узнав про отставку ненавистного графа.

Почти год добивался Пирогов мобилизации на фронт крымской войны. Теперь после указа государя у мыслителя появилась реальная возможность закончить службу за несколько лет и перейти к проектам реформы школы. Он едет, назначенный Николаем I главным врачом армии под Севастополь “не для того только, чтобы резать руки и ноги”. Санмедслужба становится новым уровнем апробации общенаучных принципов в реформировании разноуровневых социальных структур, связующим звеном между медициной и педагогикой, этапом осмысления проблем войны и мира.

Поступок Пирогова доказывает его верность нравственным принципам: говоря в “Вопросах жизни” о способности к жертвам, которая характеризует мыслящего гражданина, он сам дает высокий пример. Исхода новой борьбы Пирогов не знает. В его стратегии цель – новая школа России, приносимая жертва – жизнь.